

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

SOME PROBLEMS OF MODERN CRIME PREVENTION

Научная статья

УДК 343

EDN FRYHRQ

DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(5).450-459

СЕКСУАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ

Е.Ю. Антонова

Дальневосточный юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации,
г. Владивосток, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

6 августа 2024 г.

Дата принятия в печать

26 ноября 2024 г.

Дата онлайн-размещения

6 декабря 2024 г.

Ключевые слова

Цифровизация; цифровые технологии; сексуальное насилие; бесконтактные формы насилия; цифровое сексуальное принуждение; сексуальное изображение; секс-вымогательство

Аннотация. Цифровизация оказала существенное влияние на все общественные отношения. Видоизменился и характер совершаемых преступлений, в том числе тех, которые традиционно совершаются в офлайн-режиме. В настоящей статье это рассмотрено на примере сексуального насилия. Принято считать, что сексуальное насилие сопряжено с принудительным сексуальным физическим контактом в отношении потерпевшего или добровольным сексуальным актом в отношении лиц до наступления возраста согласия на сексуальную активность. Вместе с тем в статье приводятся примеры бесконтактного (без воздействия на тело человека) сексуального насилия, совершенного в цифровом пространстве или с использованием цифровых технологий. К таковым относятся сексуальное домогательство, сексуальный шантаж, секстинг, доксинг, создание и распространение «деерфейк» изображений, порно-месть, дикпик и некоторые другие сексуальные онлайн-риски.

Раскрываются вопросы о правовой оценке бесконтактных форм сексуального насилия, совершаемых в цифровом пространстве или с использованием цифровых технологий.

Отмечается, что не все разновидности бесконтактного сексуального насилия, совершаемого в цифровом пространстве или с использованием цифровых технологий, расцениваются отечественными и зарубежными законодателями в качестве посягательств на половую неприкосновенность или половую свободу личности. Как правило, в таких случаях законодатели предпочитают устанавливать ответственность за посягательства на конституционные права и свободы человека, общественную нравственность или общественный порядок. Исключение составляют нормы об ответственности за развратные действия в отношении несовершеннолетних лиц до достижения ими возраста согласия на сексуальную активность. Обращается внимание на то, что распространение заведомо ложной информации (например, порнографических «деерфейк» изображений), порочащей честь, достоинство, деловую репутацию лица подпадает под признаки состава о клевете.

Делается вывод о необходимости дополнительных научных исследований в данной сфере цифровых отношений. В настоящее время, по мнению автора статьи, достаточным является внесение корректив в уголовное законодательство, позволяющих учесть использование информационно-телекоммуникационных технологий в процессе выполнения объективной стороны состава преступления, в качестве обстоятельства,отягчающего наказание, а также дополнение норм о развратных действиях квалифицирующим признаком и о нарушении неприкосновенности частной жизни конструктивным признаком основного состава «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет».

Original article

**SEXUAL VIOLENCE IN THE AGE OF DIGITIZATION:
ISSUES OF LEGAL ASSESSMENT****Elena Yu. Antonova***Far Eastern Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Vladivostok, the Russian Federation***Article info**

Received

2024 August 6

Accepted

2024 November 26

Available online

2024 December 6

Keywords

Digitization; digital technologies; sexual violence; non-contact forms of violence; digital sexual coercion; sexual image; sex extortion

Abstract. Digitization has had a considerable impact on all spheres of public relations. The character of crimes, including those traditionally committed online, has also changed. The author uses the example of sexual violence to analyze these changes. Common understanding of sexual violence associates it with a forced physical contact with the victim or a consensual sexual act with a person who has not reached the age of consent. In addition to these, the author presents examples of non-contact (without the impact on a person's body) sexual abuse committed in the digital space or with the use of digital technologies. These include sexual harassment, sexual blackmail, sexting, doxing, the creation and dissemination of "deepfake" images, revenge porn, dick pics and some other online sexual risks.

The author discusses the legal assessment of non-contact forms of sexual violence committed online or using digital technologies.

It is noted that not all types of non-contact sexual violence committed online or using digital technologies are considered by Russian and foreign legislators to be infringements on the sexual inviolability and sexual freedom of an individual. As a rule, in such cases legislators prefer to establish liability for encroachments on the constitutional rights and freedoms of a person, on public morals or public order. The exceptions are the norms on liability for indecent assaults against minors under the age of consent. It is stressed that the dissemination of knowingly false information (for example, "deepfake" porn images) discrediting honor, dignity, or professional reputation of a person constitutes slander.

It is concluded that further scientific research is required in the sphere of digital relations. According to the author, it is currently sufficient to introduce some amendments to criminal legislation that will make it possible to view the use of information-telecommunication technologies in the objective side of crime as an aggravating circumstance, to supplement the norm on indecent assault with a qualifying feature, and the norm on the violation of privacy — with a constructive feature of the main crime "with the use of information-telecommunication networks, including the Internet".

Мы живем в «цифровом обществе» или в «информационном веке». Об этом свидетельствует активное использование новых медиа, мобильных и иных цифровых технологий. В последние годы цифровое пространство и цифровые технологии активно используются в повседневной жизнедеятельности человека. Развитие цифровых технологий и цифрового пространства начало менять не только наш образ жизни, но и способы совершения преступлений. К такому относятся не только преступления против собственности (кража, мошенничество), нарушение конституционных прав и свобод человека и гражданина (неприкосновенность частной жизни), распространение вредоносного программного обеспечения, террористическая деятельность (вербовка членов террористических формирований), но и различные действия, кото-

рые принято считать контактными, связанными с воздействием на тело человека. Другими словами, человек становится полностью уязвимым перед цифровыми технологиями.

Данные обстоятельства сказываются и на уголовно-правовой политике государства. В настоящее время мы наблюдаем ситуацию, когда многие статьи уголовного закона дополняются соответствующим, как правило,отягчающим признаком — совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (далее — ИТС), включая сеть Интернет. Но всегда ли использование цифровых технологий увеличивает степень общественной опасности содеянного и требует корректив уголовного законодательства? Данный вопрос является крайне важным, поскольку от этого зависит и правильная юридическая оценка содеянного.

Рассмотрим данное обстоятельство на примере сексуального насилия, которое, как правило, сопряжено с принудительным физическим контактом в отношении потерпевшей (-его) или хотя и добровольным сексуальным актом, но в отношении лиц до достижения ими возраста согласия на сексуальную активность.

В современном мире трактовка сексуального насилия получила более широкое значение и включает в себя бесконтактные формы, в том числе совершаемые с использованием цифровых технологий, в отношении как детей, так и взрослых лиц. Такая разновидность сексуального насилия не причиняет физических травм, но влечет долгосрочный психологический вред для жертв [1] (стыд, страх, тревога, беспокойство, затяжные депрессии, низкая самооценка, неуверенность, сексуальная дисфункция и др.). Не исключены и иные последствия, например возникновение у лица профессиональных проблем за счет причинения ущерба репутации, следствием чего может быть вынужденная смена профессии. Все это может привести к самоубийству или попытке самоубийства.

Выделяют, например, цифровое сексуальное принуждение, которое характеризуется нежелательным сексуальным поведением, осуществляемым с помощью электронных средств, и может включать в себя принуждение партнера к отправке откровенно сексуальных электронных писем или сообщений (т.е. принуждение к секстингу), распространение откровенно сексуальных фото или видео партнера без разрешения [2], преследование посредством неоднократных просьб о свиданиях или физических отношениях; мониторинг и отслеживание местоположения человека, действий в социальных сетях и Интернете; ограничение доступа к цифровым устройствам или владения ими посредством принудительного контроля; угрозу или раскрытие личной, конфиденциальной информации без согласия в цифровом пространстве (доксинг) [3]. Нередкими стали и случаи несогласованного создания и (или) распространения частных сексуальных изображений, включая угрозы поделиться ими или измененными цифровыми изображениями, добавляющими лицо человека к существующему сексуальному изображению [4].

Такая (неконтактная) форма цифрового сексуального насилия часто включает в себя сексуальное вымогательство (т.е. принуждение человека к нежелательному сексуальному поведению)

или порноместь (распространение или угрозу распространения материалов откровенно сексуального характера без согласия отправителя) [5]. Законодатели разных стран стали реагировать на такие случаи внесением корректив в уголовные законы.

К примеру, Кодекс Джорджии 2022 г.¹ (США) к сексуальному вымогательству (§ 16-11-92), являющемуся одним из деяний, связанных с вторжением в частную жизнь, относит намеренное устное, письменное или в электронном виде принуждение другого лица, достигшего 18 лет, к распространению любой фотографии, видео или другого изображения, на котором какое-либо лицо изображено в обнаженном виде или вовлечение его в откровенно сексуальное поведение. Данное деяние законодатель отнес к преступлению против общественного порядка и безопасности.

Наиболее распространенной формой получения изображений является обмен ими между партнерами. Распространены и другие методы получения таковых, включая взлом компьютерных систем, загрузку изображений и обмен ими, фотешоп (иначе известный как deepfake-изображения) [6].

Технология deepfake относится к форме искусственного интеллекта, используемой для создания убедительных изображений, аудио- и видеообманов. Этот термин охватывает как базовую технологию, так и сфабрикованный контент. Deepfake обычно включают изменение уже существующего исходного материала путем замены одного человека другим. Более того, они генерируют совершенно новый контент, изображающий людей, совершающих действия или произносящих заявления, которые они никогда не совершали и не говорили. Основная опасность, связанная с deepfake, заключается в их способности распространять дезинформацию, которая исходит из надежных источников [7].

Сложность таких ситуаций усугубляется тем, что после того как информация (изображение) попадает в цифровое пространство, она может быть скопирована любым пользователем и в любое время загружена вновь на других цифровых площадках. Полностью удалить информацию не всегда представляется возможным.

Ярким примером является инцидент, произошедший с всемирно известной певицей Тей-

¹ Georgia Code 2022 // Justia US Law. URL: <https://law.justia.com/codes/georgia/2022> (дата обращения: 02.08.2024).

лор Свифт, в отношении которой была злонамеренно использована технология *deepfake* для создания и распространения ее откровенных изображений без ее согласия. Данные сфабрикованные изображения быстро распространились по платформам социальных сетей и набрали более 45 млн просмотров, 24 тыс. репостов и сотни тысяч лайков и закладок в течение 17 ч. И несмотря на то что эти посты были заблокированы, некоторые из ложных изображений все еще циркулируют в социальных сетях [7].

Заметим и то, что количество случаев создания или распространения частных сексуальных или обнаженных изображений, в том числе в цифровом пространстве, растет по всему миру.

По данным Глобальной инициативы по борьбе с транснациональной организованной преступностью, в Азиатско-Тихоокеанском регионе в период с 2022 по 2023 г. количество случаев *deepfake* увеличилось до 1 530 % [8]. Согласно отчету *Deeprtrace*, нидерландской компании по кибербезопасности, 96 % из 14 678 идентифицированных *deepfake*-видео в 2019 г. были порнографическими [9]. Из отчета *Home Security Heroes* (2023) следует, что количество *deepfake*-видео выросло до 95 820 в 2023 г. (что на 550 % больше, чем в 2019 г.), из которых 98 % были порнографическими².

При этом общественность, как правило, не воспринимает эту проблему как одну из форм сексуального насилия. Законодатель также не рассценивает такие случаи в качестве рассматриваемого насилия.

Например, Кодекс Джорджии 2022 г.³ относит к разряду преступлений против общественного порядка и безопасности вторжение в частную жизнь, включающую в себя запрет на электронную передачу или размещение фото или видео, на которых изображена нагота или откровенно сексуальное поведение взрослого человека, включая ложно созданное видеграфическое или неподвижное изображение, когда передача или размещение является домогательством или приводит к финансовым потерям для изображенного лица, не служит законной цели для изображенного лица. Такие действия совершаются сознательно и без согласия изображенного лица. Изображения размещаются на веб-сайтах, сайтах обмена файлами, веб-

страницах или досках объявлений, которые рекламируют или продвигают свои услуги и иных цифровых площадках (§ 16-11-90).

Полагаем, что в настоящее время подобно-го рода ситуации в Российской Федерации подпадают под признаки состава преступления о клевете, совершенной с использованием ИТС, включая сеть Интернет (ч. 2 ст. 128¹ УК РФ), при условии, что целью субъекта было опорочить честь, достоинство или деловую репутацию другого лица, а при наличии соответствующих оснований содеянное будет требовать дополнительной квалификации по ст. 242 УК РФ (незаконное изготовление в целях распространения или публичной демонстрации порнографических материалов). Такая правовая оценка, по нашему мнению, охватывает и защиту чести и достоинства конкретного потерпевшего, в отношении которого распространяются заведомо не соответствующие действительности (искусственно созданные) сведения, и отражает посягательство на общественную нравственность.

В доктрине уголовного права обсуждается и вопрос об установлении самостоятельной ответственности за создание и распространение *deepfake*-изображений. Для этого предлагается внести соответствующие коррективы в ст. 137 и 242 УК РФ [10]. В целом соглашаясь с общей концепцией таких коррективов, полагаем, что распространение заведомо ложной информации (а при искусственном создании порнографических *deepfake*-изображений, когда за основу берутся фото, видеозаписи реальных людей — это является очевидным), порочащей честь, достоинство, деловую репутацию лица, подпадает под признаки состава о клевете.

В российской судебной практике можно встретить многочисленные ситуации, когда сексуальный партнер после ссоры или расставания со второй половиной в отместку за разрыв отношений распространяет без ее согласия в социальных сетях и иных цифровых площадках интимные фотографии или видео. Такие факты в настоящее время квалифицируются по ст. 137 УК РФ (нарушение неприкосновенности частной жизни)⁴.

Исследования зарубежных ученых показывают, что публикация таких изображений (фото,

² 2023 State of Deepfakes: Realities, Threats, and Impact // Security Hero. URL: <https://www.securityhero.io/state-of-deepfakes> (дата обращения: 06.08.2024).

³ Georgia Code 2022.

⁴ Дело № *****. Приговор от 22 июля 2017 г. // Архив Басманного района города Москвы; Дело № 1-21-2109/2020. Приговор от 15 июня 2020 г. // Архив Нижневартковского судебного района города окружного значения Нижневартовска Ханты-Мансийского автономного округа — Югры.

видео) наиболее распространена на платформах социальных сетей (37 %), за которыми следуют мобильные телефоны (27 %) и такие сайты, как YouTube (25 %) [6].

Примеры из судебной практики показывают, что в нашей стране чаще всего такие изображения также распространяются в социальных сетях на таких платформах, как «ВКонтакте», «Одноклассники» или же в мессенджерах для мобильных устройств WhatsApp, Viber, Telegram.

При наличии оснований (а именно наличие умысла на причинение вреда общественной нравственности [11]) квалификация рассматриваемых случаев производится по совокупности преступлений, регламентированных ст. 137 и п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ (незаконное распространение порнографических материалов с использованием ИТС)⁵ [12].

Таким образом, законодатель расценивает указанные деяния не как сексуальное насилие, а как посягательства на конституционные права и свободы человека и общественную нравственность.

Примечательно и то, что не является конструктивным признаком состава преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ, распространение соответствующих сведений о частной жизни лица «в информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет». Законодатель ограничился указанием лишь на совершение названного деяния в средствах массовой информации. Такой подход, как справедливо указывается в научной литературе [13], не учитывает правила законодательной техники и современные возможности получения и распространения информации.

Вместе с тем полагаем, что при распространении подобной информации на потерпевшего оказывается и психологическое сексуальное насилие, поскольку затрагивается сексуальная сфера жизни человека.

Как и другие формы сексуального насилия, данные ситуации характеризуются отсутствием согласия со стороны потерпевшего на создание и тем более распространение таких изображений.

Отмечается и то, что преступник, используя указанные формы воздействия, нередко устанавливает контроль над потерпевшим, иден-

тифицирует его личность, лишая потенциальной анонимности [6], которая характерна для онлайн мира. 50 % из 1 244 опрошенных Cyber Civil Rights Initiative заявили, что их фотографии с интимным изображением появлялись рядом с их полным именем или профилем в социальной сети. Свыше 20 % потерпевших отметили, что адреса их электронной почты и номера телефонов были указаны рядом с такими изображениями, а более 80 % жертв испытали сильный эмоциональный стресс и тревогу [14]. Нередко такие случаи фиксируются и при домашнем насилии.

Исследование, проведенное McAfee, показало, что один из десяти бывших партнеров в Канаде угрожал опубликовать в Интернете откровенные фотографии своих бывших партнеров, и 60 % этих угроз были выполнены. А. Powell и N. Henry опросили около 3 тыс. австралийцев (1 481 женщину и 1 451 мужчину) в возрасте 18–54 лет. Один из десяти респондентов заявил, что кто-то выкладывал в сеть или отправлял другим их обнаженные или полуобнаженные фотографии без их разрешения, а 9,6 % сообщили, что кто-то угрожал опубликовать такие изображения или отправить их другим [14].

Сексуальное вымогательство по российскому уголовному законодательству квалифицируется по ст. 133 — понуждение к действиям сексуального характера, одной из форм которого является шантаж.

В 2022 г.⁶ ст. 133 УК РФ дополнена ч. 3, в которой предусмотрен особо квалифицирующий признак «с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет». Это единственный состав преступления в гл. 18 УК РФ, регламентирующий такой признак. Вместе с тем из материалов судебной практики видно, что использование указанных технологий возможно и при совершении развратных действий, но ст. 135 УК РФ не содержит такого признака. Более того, с учетом того, что на основании примечания к ст. 131 УК РФ к насильственным действиям сексуального характера приравнены развратные действия, совершаемые в бесконтактной форме в отношении малолетних до 12 лет [15], нередко рассматриваемые технологии применяются и при совершении названного преступления.

⁵ Дело № 1-107/2019. Приговор от 21 мая 2019 г. № 1-107/2019 // Судебные и нормативные акты РФ. Архив Торжокского городского суда Тверской области. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/LEeuYkIJISmR> (дата обращения: 22.03.2024).

⁶ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 280 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Федер. закон от 6 марта 2022 г. № 38-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

Более того, по мнению В.Ф. Джафарли, среди пяти составов гл. 18 УК РФ только развратные действия в интеллектуальной форме можно отнести к «информационно-технологическому» посягательству». Это обусловлено тем, что диспозиция ст. 135 УК РФ не предполагает в качестве обязательных условий одновременное физическое присутствие виновного и потерпевшего в одном пространстве и их телесный контакт [16, с. 71–72].

Вопросы вызывает и п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 г. № 37⁷, в котором указано, что квалификация преступления по признаку «с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей» производится вне зависимости от стадии совершения преступления. Важно установить, что такие сети использовались для создания условий совершения преступления или при выполнении его объективной стороны. Но создание условий для совершения преступления — это стадия приготовления. Полагаем, что в качестве соответствующего признака состава преступления можно расценивать только использование названных технологий в процессе выполнения объективной стороны состава преступления.

Позиция В.Ф. Джафарли представляется оправданной, поскольку именно через цифровые технологии совершаются сами развратные действия (т.е. выполняется объективная сторона преступления, предусмотренная ст. 135 УК РФ). В целом соглашаясь с такой позицией, заметим, что в ст. 133 УК РФ использование названных технологий выступает в качестве способа психического воздействия на потерпевшего (объективный признак состава преступления) с целью его побуждения к действиям сексуального характера.

Совершеннолетний Ф., осознавая, что О. не достигла 16 лет, в сети Интернет, используя в мобильном телефонном устройстве приложение WhatsApp, направлял сообщения, аудио- и видеозвонки на мобильный телефон О. с целью возбудить у нее извращенный интерес к сексуальным отношениям, после чего потребовал у

нее отправить фотографии своих интимных частей тела, что О. и делала, а в последующем — продемонстрировать свои интимные части тела. Тем самым Ф. совершил в отношении О. развратные действия без применения насилия. Затем с целью получения материальной выгоды под угрозой распространения в сети Интернет присланных ею ранее фотографий несколько раз требовал от нее перевести на его банковскую карту денежные средства (действия квалифицированы как вымогательство)⁸.

В этой связи правильной представляется позиция армянского законодателя, который в ст. 201 УК Республики Армения⁹, посвященной совершению развратных действий, не только подробно раскрывает в основном составе характер таковых, но и одним из квалифицирующих признаков устанавливает «использование информационных или коммуникационных технологий» (п. 3 ч. 2). Кроме того, в УК Республики Армения в отдельный состав преступления против половой неприкосновенности и половой свободы (ст. 202) выделено предложение полового сношения или иных действий сексуального характера, или создания или изготовления детской порнографии (груминг). Объективная сторона включает совершение альтернативных действий: 1) предложение встречи и совершение действий, направленных на встречу, в целях полового сношения или действий сексуального характера, в том числе имитации полового сношения или удовлетворения сексуальных потребностей; 2) предложение создания или изготовления детской порнографии. Конструктивными признаками состава являются использование информационных или коммуникационных технологий и отсутствие признаков трафика или эксплуатации ребенка или лица, находящегося в беспомощном состоянии (ст. 189), или иных преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы (ст. 198–201). Субъект — лицо, достигшее 18 лет. Потерпевший — лицо, не достигшее 16 лет.

В случаях, когда развратным действиям сопутствуют изготовление и (или) распростра-

⁷ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 15 дек. 2022 г. № 37 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Дело № 1-41/2019. Приговор от 3 июня 2019 г. // Судебные решения РФ. Архив Сулейман-Стальского районного суда Республики Дагестан. URL: <https://xn--90afdbaav0bd1afy6eub5d.xn--p1ai/45375642> (дата обращения: 10.03.2024).

⁹ Уголовный кодекс Республики Армения: принят 5 мая 2021 г. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=7645&lang=rus> (дата обращения: 25.07.2024).

нение на цифровых площадках видео-, аудио-, фотофайлов, относящихся к числу порнографических, содеянное по отечественному законодательству дополнительно квалифицируется по ст. 242¹ УК РФ (изготовление и оборот материалов с порнографическим изображением несовершеннолетних) [17].

Отметим, что Роскомнадзор в 2023 г. заблокировал или удалил 84,7 тыс. материалов с детской порнографией, в 2022 г. — 68,4 тыс.¹⁰ Количество же привлеченных к уголовной ответственности за изготовление и распространение такого контента значительно меньше. По данным официальной государственной статистики, в 2018 г. было зарегистрировано 548 преступлений, предусмотренных ст. 242¹ УК РФ, совершенных с использованием ИТС, в 2019 г. — 704 (прирост к аналогичному периоду прошлого года на 28,5 %), в 2020 г. — 545 (–22,6 %), 2021 г. — 541 (–0,7 %), 2022 г. — 813 (+50,3 %), в 2023 г. — 866 (+6,5 %).

Возвращаясь к рассматриваемой проблеме, отметим, что факт использования цифровых технологий в процессе совершения развратных действий в настоящее время не отражается при квалификации соответствующих действий. Вместе с тем полагаем, что общественная опасность такого деяния увеличивается за счет того, что на цифровых носителях могут сохраняться фото- и видеоизображения, которые в последующем нередко используются для шантажа, сексуального вымогательства и иных подобного рода деяний. Такие отношения между субъектом и потерпевшим могут носить пролонгированный характер, тянуться годами. Другими словами, потерпевший может попасть в зависимость, что наносит ему психологический вред.

Отмечается и то, что если виновное лицо, шантажируя потерпевшего распространением интимных изображений на цифровых площадках, требует от него совершения сексуальных действий, включая изготовление и направление новых интимных фото- или видеоизображений потерпевшего, данные действия чаще всего квалифицируются только по ст. 135 УК РФ, а оценка по ст. 133 УК РФ не дается. Но в такой ситуации субъект вначале склоняет несовершеннолетнего к обнажению тела и демонстрации фотографий (т.е. совершает развратные

действия), а затем понуждает его к совершению иных сексуальных действий, что не может охватываться только ст. 135 УК РФ, поскольку диспозиция ст. 133 УК РФ предусматривает конкретные действия, направленные на получение вынужденного согласия потерпевшего на совершение сексуальных действий [17].

Чаще всего вопрос о сексуальном насилии с использованием цифровых технологий обсуждается применительно к несовершеннолетним лицам [18], но такому насилию подвергаются и совершеннолетние, что проявляется, например, в нежелательных сексуальных комментариях, шутках; принуждении к каким-либо сексуальным действиям (например, раздеваниям и иным действиям сексуального характера перед камерой, фотографированию; предоставления нежелательной личной информации сексуального характера, в том числе фото-, видеоизображения и др.) — сексуальное домогательство; требование выполнить какое-либо действие (в том числе передача денег или иных материальных ценностей) под угрозой распространить личные материалы сексуального характера без согласия лица — сексуальный шантаж; получении на мобильный телефон или в личном сообщении в социальной сети сообщений или изображений сексуального характера (например, фотографий с мужским половым органом — дикпик — разновидность секстинга), и др.

Эти и некоторые другие случаи компания Microsoft отнесла к сексуальным онлайн-рискам¹¹ [19].

Интересным представляется опыт отдельных зарубежных стран в части конструирования норм о преступлениях сексуальной направленности.

Кодекс Джорджии 2022 г.¹² относит к преступлению, связанному с растлением малолетних (разд. 16, гл. 6 — Сексуальные преступления), не только контактные действия, но и передачу с помощью электронного устройства изображения человека, совершающего, побуждающего или иным образом участвующего в безнравственном или непристойном действии в отношении ребенка в возрасте до 16 лет с намерением возбудить или удовлетворить сексуальные желания либо ребенка, либо этого человека (§ 16-6-4).

¹⁰ Роскомнадзор заблокировал более 670 тыс. материалов с запрещенной информацией в 2023 году // ТАСС : офиц. сайт. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19823131> (дата обращения: 24.07.2024).

¹¹ Определение онлайн-рисков // Microsoft. URL: <https://news.microsoft.com/ru-ru/features/online-risks> (дата обращения: 15.03.2024).

¹² Georgia Code 2022.

УК Республики Казахстан¹³ предусматривает норму об ответственности за совершение непристойных действий сексуального характера в отношении лица, заведомо не достигшего 16 лет, сопряженных с предложениями, в том числе с использованием сетей телекоммуникаций, включая сеть Интернет, или прикосновениями сексуального характера (ст. 121-1). В составе о неприкосновенности частной жизни казахский законодатель в квалифицированный состав (ч. 3) ввел совершение деяний «путем незаконного доступа к электронным ресурсам, информационной системе или незаконного перехвата информации, передаваемой по сети телекоммуникаций», а в особо квалифицированный (ч. 5) — «в СМИ или с использованием сетей телекоммуникаций, в том числе через Интернет» (ст. 147 УК Республики Казахстан). Армянский законодатель также в составе о распространении сведений о личной или семейной жизни лица установил в качестве обязательного признака «при посредстве СМИ или информационных или коммуникационных технологий» (ч. 2 ст. 204 УК Республики Армения).

Проведенное исследование показывает, что в современном пространстве по мере развития цифровых технологий меняется и конфигурация преступлений. Затронуло это и сексуальную сферу жизни человека. Механизм сексуального насилия сегодня возможен и без физического (телесного) контакта между потерпевшим и преступником, что должно быть отражено в нормах уголовного закона для правильной юридической оценки содеянного. При этом результаты прове-

денного исследования убеждают нас, что совершение сексуальных преступлений в цифровом пространстве или при помощи цифровых технологий не всегда отягчает содеянное. Зачастую цифровое пространство и цифровые технологии используются для поиска сексуальных жертв, тогда как само сексуальное насилие совершается в офлайн-режиме. Это служит основанием для внесения корректив в ст. 63 УК РФ путем дополнения ее частью 1² в следующей редакции: «1². Судья (суд), назначающий наказание, в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного может признать отягчающим обстоятельством совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий» [20]. Такое законодательное решение позволит подходить к рассмотрению дела индивидуально, исходя из конкретных обстоятельств содеянного.

Кроме того, анализ зарубежного законодательства, а также отечественной судебной практики позволяет утверждать о целесообразности дополнения норм о развратных действиях квалифицирующим признаком и о нарушении неприкосновенности частной жизни конструктивным признаком основного состава «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет».

В заключение отметим, что вопрос о бесконтактном сексуальном насилии, совершенном в цифровом пространстве, в том числе с использованием цифровых технологий, требует дополнительного изучения не только с уголовно-правовой, но и с психологической, социальной, технической точек зрения. Постоянное совершенствование цифровых технологий будет сказываться и на характере совершенных деяний, что должно получать правовую оценку, адекватную степени общественной опасности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Killean R. Sexual Violence in the Digital Age: Replicating and Augmenting Harm, Victimhood and Blame / R. Killean, A.-M. McAlinden, E. Dowds. — DOI 10.1177/09646639221086592 // *Social & Legal Studies*. — 2022. — Vol. 31, no. 6. — P. 871–892.
2. McArthur J. Digital Dating Abuse: An Application of the Theory of Planned Behavior / J. McArthur, J. Blais, M. Ternes. — DOI 10.1177/08862605231205595 // *Journal of Interpersonal Violence*. — 2024. — Vol. 39, no. 5-6. — P. 1308–1326.
3. Sheikh M.M.R. Technology-Facilitated Sexual Violence and Abuse in Low and Middle-Income Countries: A Scoping Review / M.M.R. Sheikh, M.M. Rogers. — DOI 10.1177/15248380231191189 // *Trauma, Violence, & Abuse*. — 2024. — Vol. 25, no. 2. — P. 1614–1629.
4. Gleave J. [Can't] Delete: an intervention in mainstream news media representations of image-based sexual abuse / J. Gleave, L. Waller. — DOI 10.1177/1329878X231193191 // *Media International Australia*. — 2023. — Vol. 189, no. 1. — P. 43–56.
5. Digital Sexual Violence and Suicide Risk in a National Sample of Sexual Minority Adolescents / A. Srivastava, J. Rusow, S.M. Schrager [et al.]. — DOI 10.1177/08862605221116317 // *Journal of Interpersonal Violence*. — 2023. — Vol. 38, no. 3–4. — P. 4443–4458.

6. Huber A. A shadow of me old self': The impact of image-based sexual abuse in a digital society / A. Huber. — DOI 10.1177/02697580211063659 // *International Review of Victimology*. — 2023. — Vol. 29, no. 2. — P. 199–216.
7. A Swift Response: Call to Action on Deepfake Non-Consensual Pornography / T. Andres, M.K. Farmer, J.M. Brigagliano [et al.] // Kilpatrick. — 2024. — 8 March. — URL: <https://ktslaw.com/Blog/artificial%20intelligence%20digital%20assets%20and%20distributed%20ledger%20technology%20regulation/2024/3/a%20swift%20response>.
8. Adante C. Deepfakes in 2024 are Suddenly Deeply Real: An Executive Briefing on the Threat and Trends / C. Adante // Teneo. — 2024. — 25 Apr. — URL: <https://www.teneo.com/insights/articles/deepfakes-in-2024-are-suddenly-deeply-real-an-executive-briefing-on-the-threat-and-trends>.
9. Birrer A. What we know and don't know about deepfakes: An investigation into the state of the research and regulatory landscape / A. Birrer, N. Just. — DOI 10.1177/14614448241253138 // *New Media & Society*. — 2024. — URL: <https://www.zora.uzh.ch/id/eprint/259768>.
10. Порнографический дипфейк: вымысел или виртуальная реальность? / И.Н. Архипцев, А.Н. Александров, А.В. Максименко, К.И. Озеров. — DOI 10.33693/2223-0093-2021-11-1-69-74. — EDN BRRKXC // Социально-политические науки. — 2021. — Т. 11, № 1. — С. 69–74.
11. Алексеева Т.С. Интимные изображения человека как предмет нарушения неприкосновенности частной жизни / Т.С. Алексеева. — DOI 10.52390/20715870_2023_4_3. — EDN GKANED // Уголовное право. — 2023. — № 4. — С. 3–13.
12. Сковцова О.В. Развратные действия с использованием сети Интернет / О.В. Сковцова, Д.Д. Макаренко. — DOI 10.37279/2413-1733-2021-7-1-146-153. — EDN TGQQOV // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. — 2021. — Т. 7, № 1. — С. 146–153.
13. Конорезов Н.А. Уголовно-правовая характеристика нарушения неприкосновенности частной жизни в сети Интернет / Н.А. Конорезов. — DOI 10.23672/SAE.2023.47.13.001. — EDN FQIMEO // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2023. — № 3. — С. 142–145.
14. DeKeseredy W.S. Thinking Sociologically About Image-Based Sexual Abuse: The Contribution of Male Peer Support Theory / W.S. DeKeseredy, M.D. Schwartz. — DOI 10.1177/2374623816684692 // *Sexualization, Media, & Society*. — 2016. — Vol. 2, no. 4.
15. Антонова Е.Ю. Преступления сексуальной направленности в отношении малолетних лиц, не достигших 12-летнего возраста / Е.Ю. Антонова, И.М. Антонов. — DOI 10.47643/1815-1337_2022_12_270. — EDN XOUVZC // Право и государство: теория и практика. — 2022. — № 12 (216). — С. 270–274.
16. Джафарли В.Ф. Криминология кибербезопасности : в 5 т. / В.Ф. Джафарли ; под ред. С.Я. Лебедева. — Москва : Проспект, 2021. — Т. 2. Уголовно-правовое обеспечение криминологической кибербезопасности. — 280 с. — EDN LTKWAE.
17. Бутырская А.В. Уголовно-правовые и криминалистические аспекты расследования преступлений в отношении несовершеннолетних, совершенных с использованием сети Интернет / А.В. Бутырская, Е.А. Загрядская. — DOI 10.18572/1812-3783-2022-4-40-43. — EDN DMWCKX // Российский следователь. — 2022. — № 4. — С. 40–43.
18. Михайлова Е.В. Вовлечение несовершеннолетних в сексуальную эксплуатацию с использованием информационно-телекоммуникационных технологий / Е.В. Михайлова. — EDN IKAHGP // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. — 2021. — Т. 6, № 2 (12). — С. 215–219.
19. Бошер Ж. Корпорация Microsoft опубликовала «Индекс цифровой культуры», призывая пользователей быть более осмотрительными при взаимодействии в Интернете / Ж. Бошер // Microsoft. — 2017. — Febr. 7. — URL: <https://news.microsoft.com/ru-ru/microsoft-indeks-tsifrovoj-kultury>.
20. Антонова Е.Ю. Цифровизация и ее влияние на механизм совершения преступления (на примере посягательств против половой неприкосновенности несовершеннолетних) / Е.Ю. Антонова. — EDN FCD COP // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке. — 2023. — № 3. — С. 39–48.

REFERENCES

1. Killean R., McAlinden A.-M., Dowds E. Sexual Violence in the Digital Age: Replicating and Augmenting Harm, Victimhood and Blame. *Social & Legal Studies*, 2022, vol. 31, no. 6, pp. 871–892. DOI: 10.1177/09646639221086592.
2. McArthur J., Blais J., Ternes M. Digital Dating Abuse: An Application of the Theory of Planned Behavior. *Journal of Interpersonal Violence*, 2024, vol. 39, no. 5–6, pp. 1308–1326. DOI: 10.1177/08862605231205595.
3. Sheikh M.M.R., Rogers M.M. Technology-Facilitated Sexual Violence and Abuse in Low and Middle-income Countries: A Scoping Review. *Trauma, Violence, & Abuse*, 2024, vol. 25, no. 2, pp. 1614–1629. DOI: 10.1177/15248380231191189.
4. Gleave J., Waller L. [Can't] Delete: an Intervention in Mainstream News Media Representations of Image-based Sexual Abuse. *Media International Australia*, 2023, vol. 189, no. 1, pp. 43–56. DOI: 10.1177/1329878X231193191.
5. Srivastava A., Rusow J., Schrager S.M., Stephenson R., Goldbach J.T. Digital Sexual Violence and Suicide Risk in a National Sample of Sexual Minority Adolescents. *Journal of Interpersonal Violence*, 2023, vol. 38, no. 3–4, pp. 4443–4458. DOI: 10.1177/08862605221116317.
6. Huber A. A Shadow of Me Old Self: The Impact of Image-based Sexual Abuse in a Digital Society. *International Review of Victimology*, 2023, vol. 29, no. 2, pp. 199–216. DOI 10.1177/02697580211063659.
7. Andres T., Farmer M.K., Brigagliano J.M., Allen N.D., Clyde T.M., Witt A.M. A Swift Response: Call to Action on Deepfake Non-consensual Pornography. *Kilpatrick*, 2024, 8 March. URL: <https://ktslaw.com/Blog/artificial%20intelligence%20digital%20assets%20and%20distributed%20ledger%20technology%20regulation/2024/3/a%20swift%20response>.
8. Adante C. Deepfakes in 2024 are Suddenly Deeply Real: An Executive Briefing on the Threat and Trends. *Teneo*, 2024, 25 April. URL: <https://www.teneo.com/insights/articles/deepfakes-in-2024-are-suddenly-deeply-real-an-executive-briefing-on-the-threat-and-trends>.

9. Birrer A., Just N. What we Know and Don't Know about Deepfakes: An Investigation into the State of the Research and Regulatory Landscape. *New Media & Society*, 2024. URL: <https://www.zora.uzh.ch/id/eprint/259768/>. DOI: 10.1177/14614448241253138.
10. Arhiptsev I.N., Aleksandrov A.N., Maksimenko A.V., Ozerov K.I. Pornographic Deepfake: Fiction or Virtual Reality? *Sotsial'no-politicheskie nauki = Sociopolitical Sciences*, 2021, vol. 11, no. 1, pp. 69–74. (In Russian). EDN: BRRKXC. DOI: 10.33693/2223-0093-2021-11-1-69-74.
11. Alekseeva T.S. Intimate Images of a Person as the Subject of Breach of Privacy. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2023, no. 4, pp. 3–13. (In Russian). EDN: GKANED. DOI: 10.52390/20715870_2023_4_3.
12. Skvortsova O.V., Makarenko D.D. Acts of Sexual Abuse Through the Use of Internet. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V.I. Vernadskogo. Sotsiologiya. Yuridicheskie nauki = Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Science*, 2021, vol. 7, no. 1, pp. 146–158. (In Russian). EDN: TGQQOV. DOI: 10.37279/2413-1733-2021-7-1-146-153.
13. Konorezov N.A. Criminal-legal Characteristics of Violation of Privacy on the Internet. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, Social-Economic and Social Sciences*, 2023, no. 3, pp. 142–145. (In Russian). EDN: FQIMEO. DOI: 10.23672/SAE.2023.47.13.001.
14. DeKeseredy W.S., Schwartz M.D. Thinking Sociologically about Image-Based Sexual Abuse: The Contribution of Male Peer Support Theory. *Sexualization, Media, & Society*, 2016, vol. 2, no. 4. DOI: 10.1177/2374623816684692.
15. Antonova E.Yu., Antonov I.M. Sexual Crimes Against Minors under the Age of 12. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: The Theory and Practice*, 2022, no. 12, pp. 270–274. (In Russian). EDN: XOUVZC. DOI: 10.47643/1815-1337_2022_12_270.
16. Jafarli V.F. *Criminology of Cybersecurity*. Moscow, Prospect Publ., 2021. Vol. 2. 280 p. EDN: LTKWAE.
17. Butyrskaya A.V., Zagryadskaya E.A. Criminal Law and Criminalistic Aspects of Investigation of Crimes against Minors Committed with the Use of the Internet Network. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2022, no. 4, pp. 40–43. (In Russian). EDN: DMWCKX. DOI: 10.18572/1812-3783-2022-4-40-43.
18. Mihailova E.V. Involvement of Minors in Sexual Exploitation Using Information and Telecommunications Technologies. *Uchenye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Scientific Notes of Kazan Law Institute of MIA of Russia*, 2021, vol. 6, no. 2, pp. 215–219. (In Russian). EDN: IKAHGP.
19. Boshier Zh. Microsoft Corporation Published the “Digital Culture Index” and Called upon Users to be More Cautious Online. *Microsoft*, 2017, February 7. URL: <https://news.microsoft.com/ru-ru/microsoft-indeks-tsifrovoy-kultury>. (In Russian).
20. Antonova E.Yu. Digitalization and its Impact on the Mechanism of Committing a Crime (on the Example of Infringements against the Sexual Integrity of Minors). *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke = Criminal Law: Development Strategy in the 21st Century*, 2023, no. 3, pp. 39–48. (In Russian). EDN: FCDCOP.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Антонова Елена Юрьевна — декан юридического факультета Дальневосточного юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, г. Владивосток, Российская Федерация; e-mail: antonovy@yandex.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Antonova, Elena Yu. — Dean, Faculty of Law, Far Eastern Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Vladivostok, the Russian Federation; e-mail: antonovy@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Антонова Е.Ю. Сексуальное насилие в эпоху цифровизации: вопросы правовой оценки / Е.Ю. Антонова. — DOI 10.17150/2500-4255.2024.18(5).450-459. — EDN FRYHRQ // Всероссийский криминологический журнал. — 2024. — Т. 18, № 5. — С. 450–459.

FOR CITATION

Antonova E.Yu. Sexual Violence in the Age of Digitization: Issues of Legal Assessment. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2024, vol. 18, no. 5, pp. 450–459. (In Russian). EDN: FRYHRQ. DOI: 10.17150/2500-4255.2024.18(5).450-459.